

Был выходной, к тому же ресторанчик располагался в оживлённом торговом центре, поэтому, едва подойдя ко входу, Шэнь Фу был буквально ошеломлён шумной и многолюдной толпой.

Когда-то, в прежнем мире, ему доводилось бывать в торговых центрах по заданию, однако те места были совершенно иными — тёмными, гулкими и пустыми, лишёнными малейших признаков жизни. Не то что сейчас: огромное здание, залитое ярким светом, где, казалось, сияло всё вокруг, и повсюду сновали люди — самые разные, с живыми лицами, отражавшими привычные человеческие эмоции — радость, гнев, печаль, восторг. Кто-то спешил на встречу с друзьями, кто-то пришёл сюда с семьёй — вокруг царило непередаваемое оживление.

Шэнь Фу невольно замер, разглядывая толпу и окружающую обстановку.

Шэнь Цзялэ терпеливо ждал рядом, не торопя его и давая возможность освоиться.

Примерно через три-четыре минуты Шэнь Фу отвёл взгляд. Они простояли на месте довольно долго, и их привлекательная внешность не осталась незамеченной — несколько девушек неподалёку уже переглядывались и подталкивали друг друга, явно решая, кому подойти и попросить контакты.

Видя, что парни собираются уходить, одна из них, короткостриженная, не выдержала и, покраснев, всё же обратилась к Шэнь Цзялэ с вопросом, не мог бы он оставить свой номер.

Шэнь Цзялэ — со своими яркими золотистыми волосами, солнечной улыбкой и обаятельной внешностью — определённо нравился девушкам. Он не стал отказываться, добавил её контакт в WeChat и, улыбнувшись на прощание, пошёл дальше.

Перед входом в ресторан хого уже толпились ожидающие своей очереди посетители — все пластиковые стулья были заняты. Официант выдал Шэнь Фу и его брату номерок и протянул стопку разноцветной бумаги для оригами.

— Перед вами ещё около десяти столиков, придётся немного подождать, — пояснил он. — Можете пока складывать бумажных журавликов, ими можно оплатить часть счёта. Один журавлик — пятьдесят фэней*.

(Прим. пер.: Фэнь (𠄎) — 1/100 юаня. 50 фэней = 0,5 юаня)

Услышав, что можно сэкономить, Шэнь Фу посмотрел на яркие листочки в своих руках, и его глаза загорелись — вылитый скряга.

Шэнь Цзялэ едва сдержал улыбку.

— Фуфу ведь ещё не умеет складывать журавликов? Я научу тебя.

Шэнь Фу тут же закивал, как болванчик.

Шэнь Цзялэ учился на воспитателя детского сада и умел мастерить множество поделок. Пальцы его ловко порхали, и вот уже идеальный бумажный журавлик стоял перед Шэнь Фу.

Тот неуклюже попытался повторить его движения.

Спустя довольно долгое время ему наконец удалось сложить одного. Крылья у журавлика получились немного кривыми, вид у него был совершенно неказистый и жалкий.

Но Шэнь Цзялэ, глядя на это несуразное творение, которое выглядело хуже, чем поделки малышей из детского сада, радостно рассмеялся:

— Отлично! Гораздо интереснее моего получился, Фуфу такой молодец!

Он осторожно взял журавлика в ладони, сфотографировал и отправил снимок в семейный чат. Для него пробуждение Шэнь Фу, столько лет проспавшего без сознания, уже было величайшим даром. А то, что теперь Фуфу сидел рядом и складывал для него бумажных журавликов... это было просто чудом.

Пока они ждали своей очереди, Шэнь Фу сложил ещё несколько журавликов. Большинство из них были с какими-нибудь изъянами, ни один не получился по-настоящему красивым и аккуратным. Однако Шэнь Цзялэ каждый раз находил, за что его похвалить, причём его комплименты были настолько невероятными, что даже Шэнь Фу, неискущённый в проявлении чувств, заподозрил неладное.

Кажется, его брат смотрел на него через какие-то невероятно толстые розовые очки.

Тем временем в семейном чате Лань Сысы и Шэнь Шаньхай наперебой строчили сообщения, умоляя Шэнь Цзялэ не использовать журавликов для оплаты, а привезти их домой.

Ведь это первые журавлики, сложенные Фуфу, — настоящая реликвия!

Шэнь Цзялэ подумал и согласился, что в этом есть смысл. В итоге он и правда сохранил всех «журавликов-инвалидов», сделанных Шэнь Фу.

Заказывая еду, Шэнь Цзялэ выбрал всё, что казалось ему вкусным, а для Шэнь Фу заказал ещё и молочный чай. Сам он такие напитки не очень любил, считая их слишком сладкими.

Шэнь Фу давно сгорал от любопытства по поводу этого чая. Ещё по дороге из больницы домой он видел множество прохожих, оживлённо потягивающих напитки из стаканчиков через трубочку. В торговом центре таких людей было ещё больше.

Когда же он наконец попробовал молочный чай, его круглые миндалевидные глаза распахнулись ещё шире и засияли.

Молочный чай! Вкусно!

Этот вкус был несравненно лучше питательного раствора из комнаты снабжения в его прежнем мире.

Шэнь Фу инстинктивно провёл сравнение и, потягивая молочный чай, от удовольствия прикрыл глаза, так что они превратились в две тонкие щёлочки.

Видя, что брату понравилось, Шэнь Цзялэ предложил:

— Можем потом взять несколько стаканчиков домой, выпьем вместе с папой и мамой.

После хого Шэнь Цзялэ подумал, что раз уж его младший брат впервые оказался в торговом центре, нельзя так быстро заканчивать прогулку, и повёл его в супермаркет за снеками.

В отделе закусок они наткнулись на двух сестёр с заметной разницей в возрасте. Младшая, ростом всего в три головы*, смотрела на старшую огромными влажными глазами, прижимая к себе пачку чипсов и явно пытаясь взглядом убедить сестру купить ей лакомство.

(Прим. пер.: Три головы (三头) — чиби-стиль изображения персонажа, где его рост равен примерно трём размерам его головы)

Шэнь Цзялэ невольно повернулся к своему брату. Он подумал, что если бы Шэнь Фу вот так же мило капризничал, он, наверное, не раздумывая опустошил бы для него всю полку за свой счёт.

Однако Шэнь Фу, очевидно, и не думал капризничать. Встретившись взглядом с братом, он вопросительно склонил голову набок. Ему показалось, что в корзине уже слишком много снеков, и нужно бы сэкономить.

— Гэ, одной пачки хватит, — звонко произнёс он. — Это уже слишком много, нужно платить деньги.

Его слова тут же заслужили одобрителный взгляд старшей сестры.

— Ли Цзяоцзяо, посмотри на него! Какой сознательный! — выговорила она младшей.

Ли Цзяоцзяо, которой только что привели в пример, надулась: «...»

Она сердито сверкнула глазами на этого «умника» Шэнь Фу, решив, что этот старший брат нарочно портит ей всю малину, и это очень некрасиво с его стороны.

Шэнь Фу, на которого только что сердито зыркнуло маленькое пухлое создание, удивлённо нахмурился: «?»

Однако Шэнь Цзялэ не стал выкладывать чипсы обратно. Он терпеливо объяснил Шэнь Фу:

— У каждого цвета свой вкус. Я хочу, чтобы ты попробовал все и выбрал, какой тебе нравится больше всего.

Ли Цзяоцзяо тут же нашла аргумент для контратаки и, задрвав подбородок, посмотрела на сестру:

— Ли Лили, я же говорила, что вкус разный! Не могла бы ты поучиться у этого гэгэ? Посмотри, какой он сознательный!

Ли Лили оставалось только сдаться. Она бросила пачку чипсов в тележку младшей сестры и поспешила уйти, чтобы снова не столкнуться с братьями Шэнь и не быть вынужденной покупать ещё больше снеков.

Когда братья вернулись домой с четырьмя стаканчиками молочного чая и большим пакетом снеков, Шэнь Шаньхай и Лань Сысы уже были дома и вместе хлопотали на кухне.

— Папа, мама, мы вернулись! Принесли вам чай и закуски, — Шэнь Цзялэ бросил пакеты на стол и достал из кармана бумажных журавликов. — Вы же хотели посмотреть на журавликов, которых сложил Фуфу? Идите сюда!

Шэнь Фу не ожидал такого поворота событий. Он растерянно поднял голову, испытывая необъяснимое чувство стыда.

И тут же увидел, как родители со скоростью молнии вылетели из кухни, на ходу вытирая руки о фартуки. Они осторожно взяли в руки журавликов и обрушили на Шэнь Фу целый шквал беспощадной хвальбы.

Эти несколько неказистых бумажных фигурок они расхваливали так, словно это были не журавлики, а какие-нибудь истребители. А Шэнь Фу, их создатель, соответственно, приравнивался к гениальному конструктору боевых самолётов и заслуживал восхищения и пристального внимания всей семьи.

Шэнь Фу опустил голову, чувствуя, как уши постепенно заливаются краской.

Хотя... похвалы родителей и брата были действительно невероятными и чрезмерными, он чувствовал, что каждое их слово шло от чистого сердца, без капли фальши.

Они искренне считали, что он, сложивший этих журавликов, — молодец.

Когда-то давно, после того как его сверхспособности были взяты под контроль, Шэнь Фу участвовал в заданиях вместе с сотрудниками Бюро содержания.

Но тогда, как бы хорошо он ни справлялся, какой бы вклад ни вносил в поимку гуайтань, он никогда не удостоивался ни благодарности, ни похвалы. Словно всё это было его прямой обязанностью.

На самом деле он был всего лишь опасным обладателем сверхспособностей, содержащимся в изоляторе, а не штатным сотрудником. Это вовсе не входило в его обязанности.

Но с семьёй всё было иначе.

Ему не нужно было ничего доказывать, чтобы получать столько любви и снисхождения.

Налюбовавшись журавликами, Шэнь Шаньхай и Лань Сысы с улыбками вернулись на кухню, продолжая готовить и обещая наделать побольше вкусной еды.

Лань Сысы, помогая мыть овощи, вдруг вспомнила, что купила в соседнем городе печенье с изображением местных достопримечательностей, и громко крикнула:

— Кстати, Лэлэ, у мамы в сумке есть сувенирное печенье, которое я купила. Если вы с Фуфу проголодались, можете взять поесть.

Услышав это, Шэнь Цзялэ подошёл к шкафчику для обуви, где стояла сумка матери, и достал оттуда металлическую коробку с печеньем.

— Ого, какая упаковка красивая, — заметил он машинально. — Только почему-то лёгкая какая-то. Говорю же, в этих туристических местах вечно недокладывают...

При этих словах Лань Сысы внезапно осознала, что недоеденный ею гуайтань всё ещё лежит в этой коробке. Она мысленно застонала от досады.

Когда Шэнь Цзялэ родился, Лань Сысы, будучи гуайтань, проверила его телосложение и убедилась, что он обычный человек. Поэтому все эти двадцать с лишним лет она скрывала от него свою истинную сущность, притворяясь обычным человеком.

Но теперь... чувствуя, что её маскировка вот-вот рухнет, Лань Сысы сорвалась с места и со скоростью, которой позавидовал бы Лю Сян*, подлетела к Шэнь Цзялэ. Она выхватила у него из рук металлическую коробку, которую он уже собирался открыть, и тут же достала из сумки другую, картонную, сунув её сыну чуть ли не в лицо. Улыбка на её лице выглядела немного напряжённой.

(Прим. пер.: Лю Сян — знаменитый китайский легкоатлет, олимпийский чемпион)

— В-вот это, — проговорила она. — А то я в сумке держала, чтобы перекусить, почти всё съела уже.

Шэнь Цзялэ, ничего не заподозрив, послушно взял картонную коробку и вернулся в гостиную.

Увидев, что сын ей поверил, Лань Сысы облегчённо вздохнула. Нужно быть осторожнее, подумала она, и не класть недоеденных гуайтань в коробки из-под печенья.

Кроме неё, все остальные трое в семье были обычными людьми. Если гуайтань причинит им вред, это будет катастрофа.

Лань Сысы нахмурилась, погружённая в свои мысли.

<http://bllate.org/book/13374/1189748>